

ДЕНИС
НИККОВ

ОБРАЗ
ДЛЯ
НЕЗНАКОМКИ

Денис Никков

Образ для незнакомки

«Четыре четверти»

2016

Никков Д.

Образ для незнакомки / Д. Никков — «Четыре четверти», 2016

Шеннон Лавс – молодой писатель. Порой он для вдохновения примеряет на незнакомок выдуманный компьютерной программой образ женщины. Однако муза ускользает после того, как издательство, сотрудничавшее с ним, ставит ультиматум. Владельцев не устроила последняя работа Лавса – они желают увидеть новую книгу автора. Но предоставленного времени для написания хорошего произведения недостаточно. Остается менее десяти дней, чтобы раскрыть тайну неуловимого образа для незнакомки и ответить самому себе на главные вопросы.

Денис Никков Образ для незнакомки

Творческий дебют Дениса Никкова состоялся в сети интернет, где его небольшие произведения встретили первого читателя.

Основным объектом авторского внимания стали люди, родившиеся на стыке тысячелетий, которые первыми по-настоящему ощутили на себе обрушившийся каскад новых технологий и приняли его последствия.

И не случайно, ведь сам автор является одним из представителей того «другого» поколения, о котором повествует.

*Никакая осязаемая, реальная прелесть не может сравниться с тем, что способен накопить человек в глубинах своей фантазии.
«Великий Гэтсби» Фрэнсис Скотт Фицджеральд*

*Ничего не говори, лишь приди ко мне сейчас, загляни в мою могилу,
и ты увидишь, что она пуста.*

Шеннон Лавс «Незавершенная книга»

I

Поздний вечер. Я свернул на незнакомую улицу. Предназначенная лишь для пешеходов, она идеально подходила к размышлениям, настигшим меня внезапно в тот момент, когда глаза наслаждались ее красотой, чтобы затем сквозь недоверие и необъяснимое удивление нарисовать ресницами эйфорию.

Редкие прохожие проходили мимо, скрывая лица, видимо, желая незамеченными покинуть этот непревзойденный уют.

Резко начался дождь, и я стал под балконом, расположившись на втором этаже во власти темных глазниц окон. Шум побережья доходил чарующим эхом и казался чем-то уместным, мягко отражаясь от стены дома, возле которого я стоял. Почему я раньше здесь не бывал? Словно кто-то вырвал эту улицу из городской суеты, чтобы все желающие смогли утолить жажду восторга.

Вдали чернел силуэт. Кто-то не торопясь шел мне навстречу с зонтом в руках. Тусклый свет уличных фонарей будто очутился во власти бессилия. И кажется, слабел с каждым мгновением. А темнота, как и прежде, смотрела из окон и удивляла своей преданностью рассвету, в который влюблена, как никто другой.

* * *

– Нет! – проснувшись, закричал я, – ах, снова этот сон.

Некоторые неодушевленные предметы видятся мне одушевленными. Неслучайное сравнение. Как называется этот прием в литературе? Хотя сейчас спустя несколько страниц это не имеет значения, как и тот факт, что повествование начинается с фразы из последней мною написанной книги.

Сновидение забирает мои мысли.

Не могу припомнить, в какой именно день меня начала преследовать подобная игра воображения. Но возьмусь предположить, что прошло не более шести месяцев. Первые сны являлись смазано и неотчетливо. С ростом количества показов сновидения, каковых уже было не менее восьми, сюжет становился мне ближе, понятнее, а детали теперь виделись точнее и убедительнее, словно воображение выходило на новый уровень, поражающий глубиной прорисовки образов. Те приносили с собой таинственный восторг, восторг, который знаком мне еще с дней детства. С тех пор, когда морской ветер казался интригующим как никогда. Восторг, который я принимал, глядя на движущиеся волны, то и дело щекотавшие берег спокойным дыханием воды, сводившим на нет попытки оставаться хладнокровным.

Время убегало быстро, а берег, пронизанный волшебством шума, по-прежнему завлекал и манил своей сказочностью, словно замершей на стыке секунд нового и старого дня.

Но иногда я смотрел на морскую даль с недоверчивой серьезностью, сквозь какие-то колебания былых и грядущих тревог.

И самым глупым в такие моменты было то, что сны казались явью, а реальность виделась сном.

Восторженный и смущенный, я просыпался каждый раз, когда невольно становился участником сновидения, повторявшегося без какой-либо закономерности. Если, конечно, не считать сам сон таковою.

Сновидение приходило, оставляя вопросы, сквозь которые рождалось вежливое доверие к этой скромной фантазии.

Нет... Мне стоит меньше времени уделять письму и чаще бывать на свежем воздухе. Как не сойти с ума?

Знаете, говорят, что все писатели без исключения – очень странные люди. Они питают вдохновение из таких вещей, что другому человеку покажутся ядом либо бесполезностью, глупостью или умопомрачительным дурачеством. Я знаю многих писателей. Все они и впрямь выглядят чудновато, хотя заметить это с ходу практически невозможно. Но и однозначно утверждать, что любой писатель – человек одинокий, заключенный в свои труды, отнимающие немало времени, нельзя. Многим литераторам приходится мастерски скрываться за образом безумного мечтателя.

Поспешность – самая большая ошибка, ведь люди они не одинокие. То люди, стремящиеся к одиночеству. Писатель не может быть одиноким, потому что вокруг него находятся герои и побежденные, исторические эпохи, великие баталии и потрясения, новые миры, ужасающие сомнения из-за грядущего апокалипсиса, мысли об идеальном, совершенном человеке, теории хаоса и мира. И все это тревожит ум одновременно сквозь сита сильного воображения и прекрасного чувства меры.

Но, тем не менее, многие писатели, ныне живущие лишь в своих книгах, посеяли вокруг собственных имен истории и легенды, связанные с нестандартным поиском музыки. Их подходы до сих пор рождают жаркие споры, разжигая различные версии.

Вдохновение? Меня зовут Шеннон Лавс, и я могу сказать вам. И это совершенно точное высказывание:

«Вдохновение существует по своим законам».

Но мне не нужно глотать таблетки экстази и набивать организм курительными смесями или чрезмерной дозой алкоголя дорогой, неизвестной марки. Здоровье без того хрупко, как дешевый хрусталь. Я, не употребляя эти самые знаменитые товары, выгляжу очень дурно и неприглядно, хотя Кейси – администратор кафе «*DoubleforU*», расположенного через дорогу, – как-то говорила, что я смог бы сделать карьеру в каком-нибудь модельном агентстве, а затем – в кино. Разумеется, если бы не был писателем, которому недавно стукнуло четверть века.

А ведь вы, читая два последних предложения, наверное, составили несколько иное мнение. И верно, я должен оставлять в тексте некоторую двоякость. Хотя в агентствах необходимы люди разных профессий: может, она имела в виду карьеру уборщика подиумов? Или же помощника режиссера, человека ответственного за хлопушку?

Кейси – очень хитрая девушка, но иногда ее неуместные комплименты радуют дыханием новизны. Вздорные слова этой девушки я могу себе позволить принимать именно так.

Но дабы сплетни не давали жизнь негативным комментариям, стараюсь оставаться при своей самооценке. Сейчас я хочу сходить в это самое кафе напротив, чтобы развеяться. Стоит упомянуть, что иногда подобным вылазкам я предпочитаю прогулки по набережной.

Настроение неплохое. Сегодня будет подписан договор на издание последней написанной мною книги, а это значит, что меня настигает необходимость начать новую работу. Переключиться на нее необходимо уверенно и убедительно, с завидным запасом воодушевления и сил. Хемингуэй говорил:

«Пиши пьяным, редактируй трезвым».

Write drunk, edit sober».

Эрнест чертовски прав. Но быть пьяным можно не только от алкоголя. Именно поэтому я завел речь о необходимости наличия сил, способных помочь тебе упорядочить безумный поток мыслей и идей, когда ты так охотно желаешь расстаться со своей трезвостью.

Самое время поделиться своим методом поиска музыки. У меня имеется старенький ноутбук, и корпус его с обратной стороны обклеен бумажными буквами разного цвета и размера.

Объект грез десятилетней давности для многих подростков – раскладной компьютер – не используется мною в роли печатной машинки, для написания произведений его не применяю. Исключением являются статьи, которые я предпочитаю печатать, находясь в непосредственной близости к сети интернет, чтобы затем написанные строки, абзацы там же и покинуть. Однако на этом ноутбуке есть одна любопытная программа.

Она привлекательна тем, что каждую неделю с ее помощью я генерирую образ девушки. В программе заданы параметры для описания нормального человека: цвет глаз, волос... Также случайным образом, из уже имеющихся словосочетаний, складываются ответы на вопросы: «Что предпочитает? Что любит?..»

Давно заметил, это доставляет мне удовольствие. Я имею некоторое описание, примеряю его на случайную особу без каких-либо намерений и последствий.

До поры я почти никому об этом не говорил. Вряд ли данная странность будет кому-либо интересна, кроме меня. Это чудачество можно сравнить со всеми известными способами поиска вдохновения и даже сомнительными, которыми пользовались те или иные писатели: великие и блестящие, знаменитые и иные. Да! Потому что это занятие окрыляет, заставляя чувствовать приятную дрожь. Будто душа испытывает трясение чувств самого высокого балла по шкале скромного безумия.

Энергии и идей для этих скромных безумств добавляло географическое положение. С чувством легкой неуместной гордости признаюсь, что живу вблизи побережья. Того самого, о котором шла речь в начале повествования. Если вы действительно настоящий ценитель красот природы, то вы здесь бывали. Хотя я и не обладаю шикарным видом за окнами, зато побережье хорошо просматривается с соседского балкона. Но печально выглядит обратная сторона картины.

Жаль, ведь моих соседей поиск вдохновения не интересует, равно как и обмен квартирами. Хотя некоторые из моих гостей говорят: «Шеннон, вам фантастически повезло».

Удача, ведь от моего жилья веет неудержимым ароматом романтики, который подобно металлу притягивает магниты горящих глаз всех людей, волею случая оказывающихся в моих апартаментах. Я ощущал присутствие этой прелести интуитивно и раньше. И не только потому, что некогда здесь был заброшенный чердак.

Считаю себя довольно везучим. Ведь моя любовь к побережью неоспорима.

Побережье, куда круглый год приезжает множество людей. Им нравится оно. Очень. Здесь редко случаются катаклизмы: не падают большие метеориты. А долгий проливной дождь стал визитной карточкой и никого не смеет выводить из себя. Это достояние, которым восхищаются приезжие и даже те, кто живет или родился здесь. Тем не менее, порой можно услышать что-то в духе: «Хочу снега. Ливень – это слишком предсказуемо. В наших-то широтах. Я знаю, вы согласны».

И та выверенная интонация, с которой будут произнесены эти поистине славные слова, не наведет на вас и тени сомнения. Но ни побережье, ни гулянья различного формата и величины, ни фестивали, ни музыкальные концерты, ни шикарные показы моды и пышные балы в здании местного управления – ничто не может сравниться с водной прогулкой к заброшенному старому маяку, не утратившему своих функций до сих пор. Только вместо кораблей он теперь привлекает лодки с парами, а иногда и влюбленными троицами – туристами или путешественниками. А также смельчаков, которые, заключив пари, бросаются в воду, дабы выяснить, кто быстрее вплавь доберется до маяка и будет крутить сложенные из пальцев рук фигуры проигравшему. Вдобавок маяк манит яхты со съемочными группами и иными безудержными искателями счастья.

«Простите, а какие съемочные группы могут плавать на яхтах?» – один из самых популярных вопросов, который задают приезжие, когда я рассказываю им об этом милом местечке.

И знаете, о чем заходит речь? Да, мне приходится виновато отводить взгляд и мигом сменять тему, затем – рассказывать умопомрачительные истории, связанные с этим заброшенным маяком, стоящим на небольшом острове в километре от берега. А эти истории, так или иначе, удивляют изобилием литературных жанров, способных без аннотаций, комментариев и ремарок приблизить вас к пониманию всего ужаса и степени трагичности произошедшего.

Поэтому часто мои слушатели щедры на улыбки. Был один случай. Произошел он ровно полгода тому назад. До этого не мог вообразить, что прилагательное «эпический» можно мастерски обыграть столь нелепым растяжением губ.

Но никогда я не позволю себе даже в шутку сказать плохо об этом уголке, прилегающем к побережью, ведь все, что у меня есть, добыто благодаря нему. В том числе это хорошее настроение. Не будь побережья – не было бы прогулок, дающих мне пищу для размышлений.

Временами я люблю сидеть на скамейке, с возвышенности, где она расположена, открывается потрясающий вид на старый маяк. Сидя на этой скамье, смотрю вослед случайным парам и даже улыбаюсь некоторым из них, если вдруг замечаю, что пара состоит из спутников, проходивших здесь еще вчера с другими партнерами и ясным намеком на твердость союза.

Я убежден, красота отношений – это умение участников создавать гармоничную изолированность в хаосе толпы. Толпы, хранящей многочисленные людские пороки и стереотипы, фиксируемые при помощи разных объективов фотокамер.

Именно поэтому, когда замечаю человека, меняющего спутника или спутницу через день или каждый вечер, при этом напоминаящего Ромео или Джульетту, сошедших со страниц бессмертного произведения Уильяма Шекспира, я, озаренный искренней улыбкой, бросаю вдогонку вторую.

Другое дело, если видишь одних и тех же людей вместе на протяжении недели. Но таких здесь очень мало, а поскольку зачастую они одеты в чрезмерную скромность, ответим им тем же, но только в описании.

Порой после наблюдений за некоторыми персонажами воображение разыгрывается не на шутку, и я вижу, как мимо маяка движутся лодки с кровожадными пиратами, желающими захватить форт, от которого нынче остались лишь руины.

Помнится, год тому назад местные власти оградил подступы к маяку специальным барьером. Это было связано со съемками приключенческого фильма, как водится, «голливудского». Но меня, заинтригованного, настолько поглотила примерка образа на одну приезжую девушку, что я безвозвратно упустил возможность познакомиться со звездами мировой величины.

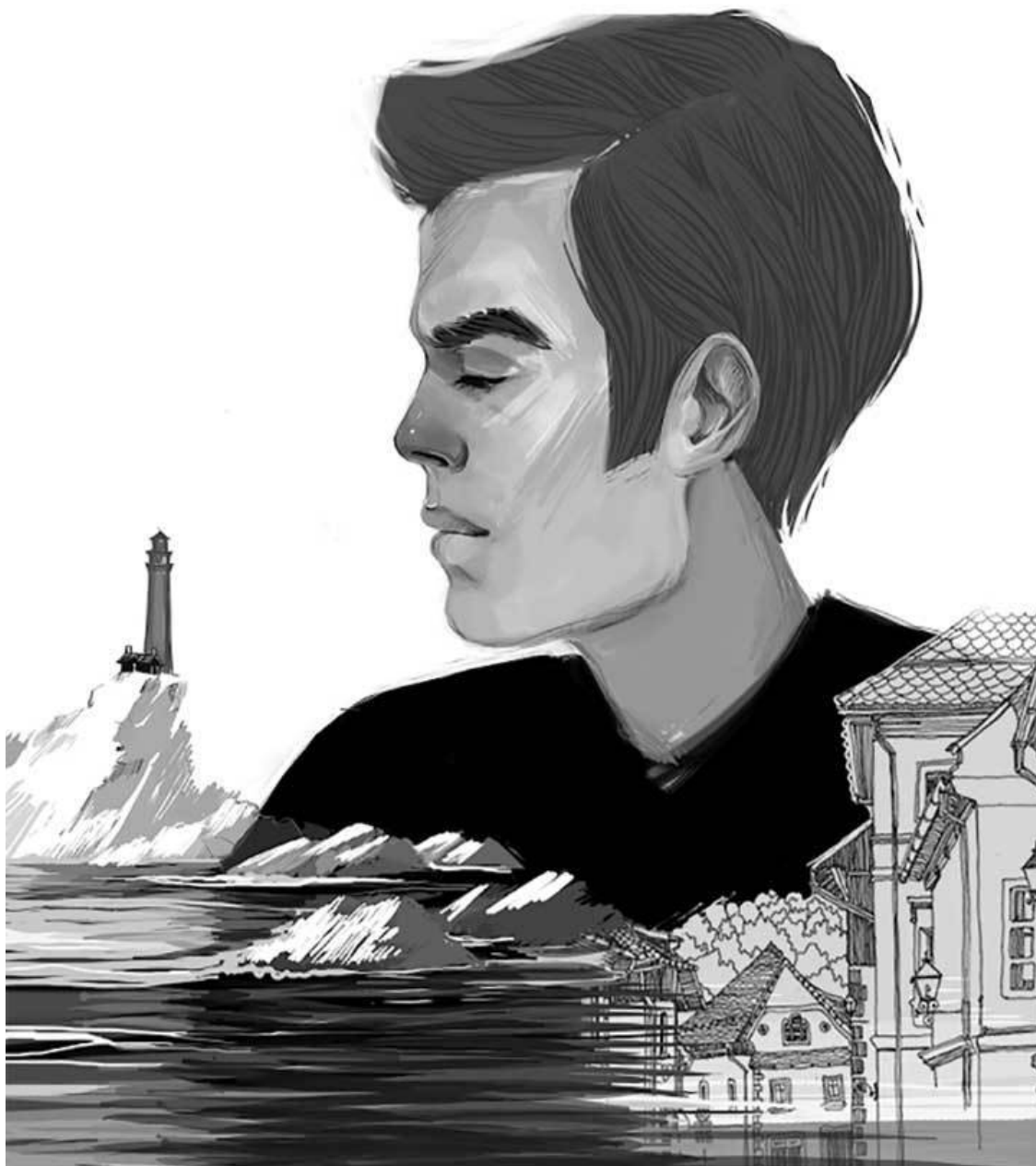
Вы взяли меня с личным, потому как сказать, кто именно имел честь быть частью съемочного коллектива, не смогу. И вряд ли там нашлись бы персоны галактического масштаба, ведь если бы это было так, почему мне о них ничего неизвестно до сих пор?

Тем не менее, барьер снять забыли. А органы местного управления воспользовались случаем и начали организовывать платные экскурсии до маяка погибших кораблей. Звучит не так уж и плохо, правда?

Маяк погибших кораблей...

Но организаторы экскурсий, увы, меня не слушают. Погибшими теперь никого не удивишь, да и воскресшими тоже...

· TODAY ·

А сам маяк стал тем временем еще желанней. Нынче и мне хотелось попасть туда, минуя всякие заграждения и очереди любопытных экскурсий. Однако некоторые из местных отвечали различными по содержанию и форме протестами, недостижимым уровнем актерского мастерства. В свою очередь, иные недовольные действовали по своему усмотрению, преследуя соответствующие намерения: так, съемочные группы перекочевывали из яхт в отели. А влюбленные пары штурмом брали маяк, как это делали когда-то пираты с фортом, невзирая ни на какие запреты.

Также это местечко манило отсутствием дорогих автомобилей и уродливых лимузинов. Нормой хорошего тона здесь являлась прогулка на мотороллере или велосипеде.

Узкие мощные переулки и уютные улицы, дышащие историей, – надежная защита от разукрашенного пафоса и разодетой наигранности.

Программа вновь выдала мне случайным подбором образ девушки. О, это целый ритуал, задевающий меня до глубины души. Машина, бездушная машина смеет выдумывать образ девушки, непременно пробуждающий бурное волнение.

Каждую новую попытку все походило на то сновидение. Будто образ, придуманный программой, я встречал раньше. И в последнее время это приятно ужасающее чувство расширяло границы своего влияния надо мной. Порой верилось, что примеряю на других образ девушки, с которой давно знаком.

Дежавю – весьма необычное слово, обратная сторона медали поиска вдохновения таким нелепым способом, намек на прошлое, питающее надежды вернуться в любой момент.

И что будет, если уже следующая *Незнакомка* олицетворяет собой некоторый возрожденный момент из прошлого, уже давно увиденный, практически забытый и всеми силами забываемый?

Так удастся ли сегодня найти девушку, чей облик хотя бы на пятьдесят процентов совпадет с выбранными компьютером очертаниями?

Рекорд – семьдесят процентов сходства с образом, предложенным программой. Я знаю, невозможно найти девушку, что на все сто процентов подойдет под описание. Это обусловлено составными частями в виде словосочетаний и слов, описывающих лучшие внутренние и внешние атрибуты девушек, которые нравятся мне. Ну и кое-какие качества, добавленные самой программой и моими друзьями-писателями, реализовавшими богатые фантазии, припасенные, естественно, не на белый день. Их безграничные издевательства, граничащие с фантазмагорией, выдает ехидная улыбка, являющаяся на лице в момент, когда товарищу так необходима помощь.

Мои друзья-писатели, работают сразу в нескольких местах. В широких кругах далеко не каждый из них может похвастаться признанием. А тот, кто может, не упускает ни единой возможности делать это снова и снова. Остальные же не теряют надежды найти одобрение публики, чтобы целиком посвящать себя творчеству, а не тому, что тяготит их жизни. Они меняют множество различных профессий – судьба будто хочет, чтобы те писали правдиво. У каждого из них свой метод поиска вдохновения, и каждый способ я вынужден вынести за рамки повествования.

Примерять выдуманный образ – поистине странное занятие. Никакое проглатывание яда с этим не сравнится. Для меня это необходимая порция общения сквозь призму сравнений и наблюдений, заключенных в игру под названием:

«Образ для Незнакомки».

При помощи простого карандаша я переписал на белоснежный листок, вырванный из блокнота, качества девушки. Возможно, сегодня будет установлен новый рекорд. Вот только беда в том, что мне для начала необходимо найти девушку, обладающую рыжим цветом волос, ведь это один из пунктов, указанных машиной.

Данное обстоятельство значительно усложняет задачу. В последний раз я видел девушку с рыжим цветом волос неделю назад недалеко от стоянки для яхт у побережья. Не берусь загадывать, имеет ли она связь со съёмочными группами, проживающими на этих самых яхтах, – эта информация делу не поможет. Зато ему может помочь посещение *«DoubleforU»* – кафе, расположенного напротив, легендарного и нещадного.

Погода выбрала за меня одежду и наказала довериться легкому стилю: светлым шортам выше колена, паре кедр серого цвета, майке и пиджаку с засученными рукавами, сделанному из тонкой ткани, позволяющей выглядеть серьезно и в тоже время не ощущать в жару диском-

форта. Именно так говорил продавец, когда мастерски обменивал это элегантное тряпье на мои деньги.

«*DoubleforU*» ждало постоянных посетителей. Мой товарищ Фрэнк Ларсон также любил это место. Безумная страсть достигала его каждый раз, когда он переходил порог милого заведения.

Никакого красноречия! Стиль знакомств Фрэнка до сих пор остается загадкой, причем не только для некоторых женщин, возможно, до сих пор пребывающих в шоке от первых двух фраз, которые Фрэнк умудрялся обзывать эталоном размеренности и балансом находчивости.

Тем не менее, Ларсон умел держаться на людях необычайно легко. А простота и непринужденность сейчас часто принимаются за странность. И описываемое место не являлось исключением. Все замечали во Фрэнке беспечного чудака. Благодаря этому он мог найти свою аудиторию в считанные секунды. Для многих Ларсон так навсегда и останется простым, самоуверенным незнакомцем, по-своему наглым, но вместе с тем находчивым и приветливым.

Я невольно завидовал его легкости, исходившей, казалось, из каждого отраженного фотона, рожденного естественным блеском глаз, искрой внутри них. Про таких людей при взгляде со стороны говорят, что они живые.

И когда вдруг в своей жизни ты встречаешь такого человека, обязательно хочешь ему об этом сказать.

У Фрэнка была своя лавка, способная предложить экипировку разного уровня для занятий дайвингом, а также иными видами водного спорта. Ларсон неплохо зарабатывал. Но сейчас дела идут хуже: с другой стороны побережья появился похожий магазин. На него Фрэнк то и дело, проходя мимо, искоса смотрит. И каждый раз, ощущая в подобные моменты безудержную тревогу друга, я жду беды, потому что Фрэнк Ларсон – человек слова. Однажды он сказал мне, что объездит весь мир, чтобы познакомиться с людьми, проживающими на разных континентах, узнать их историю и тем самым постичь свое истинное предназначение в жизни.

Время шло. Фрэнк никуда не уезжал. Более того, он стал чаще появляться в «*DoubleforU*». Недавно я спросил у него:

– Фрэнк, когда ты отправишься в кругосветку? – мне безумно хотелось убить любопытство, тенью нависшее на моей сдержанной улыбке.

– Ты меня за идиота держишь? Какое еще кругосветное путешествие?! – Фрэнк ответил спокойно и в тоже время резко, с уверенностью, вынуждающей допустить, что либо он такого не говорил, либо ты сам что-то напутал.

– Фрэнк, помнишь, ты говорил, что поедешь. У тебя было невероятное желание приблизиться к истории разных народов.

– Вот не хватало мне этого. К нам на побережье приезжают люди со всего света. Я их знаю как облупленных!

Старина Ларсон...

Я был влюблен в чудной стиль Фрэнка. Но влюбленность, как правило, быстро появляется и также мгновенно исчезает. Наверное, это меня пока и спасало.

Фрэнк Ларсон сегодня составит мне компанию и будет вновь наблюдать, как я примеряю выдуманный компьютерной программой образ на случайную Незнакомку.

II

Как известно, мотороллер придумали ленивые велосипедисты. А сейчас, кажется, я наткнулся на самого ленивого велосипедиста, умудрившегося оставить свой велосипед прямо у входной двери так, что та не могла свободно открываться. Это – транспортное средство развозчика свежей прессы. Велосипед лежал на тротуарной плитке, окруженный свежими выпусками газет, которые выпали из сумки, висевшей на раме. Мое воображение не позволило про-

сто так уйти – несколько минут я стоял и смотрел на эту картину, нарисованную то ли ленью, то ли спешкой.

На какие мысли может навести двухколесное транспортное средство развозчика прессы, окруженное свежими газетами? Я ненавижу газеты, но в этот момент родилась потрясающая идея, которую я, наверное, смогу при случае использовать в каком-нибудь произведении. Хотя минутой позже она показалась мне вовсе бесполезной – вдохновение обманчиво.

Прогулка началась весьма необычно. Странности добавил Ларсон, так как не появился вовремя в назначенном месте. Я решил действовать самостоятельно и, к своему удивлению, встретил его у входа в кафе.

Я прошел мимо, не отвлекаясь и не подавая виду, словно все шло своим чередом.

Мы переступили порог «*DoubleforU*» без лишних заготовок и наигранных масок. Внутри было шумно. Живость создавало большое количество народу, осталось лишь понять, кого можно считать надежным человеком.

Прелесть этого места в том, что один столик всегда остается свободным для нас. Ходим сюда с Фрэнком на протяжении нескольких лет и редко опаздываем. Кейси сбережет для нас этот столик в дождь и в снег, в поры радости и в грусти, ясности и едкой смуты.

Какие здесь бывали легкие вечера, а какие теплые встречи: неожиданные разочарования и смешные неудачи, пугающий успех и удивляющий позор! В общем, все то, из чего складывается истинная слава. Наш авторитет лишь изредка подрывал артистичный и эксцентричный стиль Фрэнка. О нем вы уже наслышаны.

Я сел на стул рядом с нашим столиком раньше времени, споткнувшись о ножку стула. Хоть и приземлялся удачно, но вместе с тем бесцеремонно развел руки в стороны, чем и поприветствовал официантку. Мысленно тут же отблагодарил случай и везение за столь нешаблонные действия, в которых скрывалась неожиданная доброта. А в «*DoubleforU*» между принятиями коктейлей и блюд все только ею и жили.

Тем не менее, мне здесь не место, но здесь всегда есть место милому любопытству и этой скромной вежливости. Здесь все кажутся друзьями, и даже заклятые враги. Да, Фрэнки, именно так.

«Не видел ее здесь раньше», – негромко сказал Ларсон, прищуривая глаза и глядя вослед милой девушке.

Она работает тут давно, но Ларсон всегда умудрялся делать вид, будто он оказался в кафе впервые. И это было одним из самых сильных качеств, что мне удавалось заметить во Фрэнке. Ларсон находил в этом месте нечто новое даже тогда, когда у всех на языке начинала вертеться фраза: «Необходимо найти другое место. Здешняя обстановка осточертела и не вызывает удивления».

Хоть Ларсон и старался этого не показывать, он был человеком сильного воображения. Иногда я замечал на лице Фрэнка еле сдерживаемые оттенки грусти, проступающие сквозь знаменитое умение радоваться жизни. И становилось ясно, что мой товарищ отдается воображению, нагоняющему колоссальные душевные порывы, ведь только оно способно на некоторое время приглушить редчайший дар неумения унывать. Не берусь предполагать, что именно представало в такие моменты перед его глазами. Может, прошлое... Но давнишнее? Или сегодняшнее?

Наверное, я так и не узнаю этого, ведь боюсь спросить.

Фрэнк сидел напротив, когда я вздохнул, словно подчеркивая вышесказанное, будто уже тогда знал, что произойдет дальше. Ларсон улыбался, уводя взгляд в сторону.

Жизнь продолжалась. И осознание неудержимости бега времени приходило, как главный козырь любого пробуждения. Я глубоко вздохнул и бросил, казалось бы, беспричинную улыбку. Таковую, которую рождает легкая грусть и ожидание веселья, какая-то странная надежда, окончательно не определившаяся с выбором.

Прокрутив в голове образ девушки, предложенный компьютером, я решил прогуляться до уборной и по пути осмотреться. Этакий облет спутника вокруг Земли с целью запечатлеть все имеющиеся ураганы красоты.

Удалось осуществить это в течение минуты. Я вернулся назад. Фрэнка на месте уже не было. Не присаживаясь, я озадаченно оглянулся. В этот момент за столиком, возле которого я стоял, возникли две эффектные девушки. Их наглое появление должно было повлечь за собой безукоризненный этикетный обмен, приводящий к известным последствиям.

Можно было воскликнуть, создавая иллюзию террора, играючи все преувеличить и запугать: «Это мой столик! Уходите, иначе я вызову войска специального назначения вместе с вертолетом! Или двумя!»

Но поскольку после того, как я переступил порог этого заведения, включился режим чуткого джентльмена, чашу бесстыдства удалось склонить в свою сторону. Я сел на третий стул и окинул девушек душераздирающим взглядом, натренированным еще в детстве, когда я имел честь несколько лет подряд играть в подростковом театре. К слову, я был одним из ведущих актеров. «В кавычках».

Девушки продолжали себя вести так, словно меня нет рядом. Будто никого нет рядом! Слово я вакуум! Я похож на пустоту?

Я привстал и подтащил свой стул к девушке, располагавшейся ближе ко мне. Скрип и скрежет – вестники нервозности. Но для меня это один из лучших способов привлечь внимание. Теперь мы смотрели в глаза друг другу на расстоянии ладони. Последний раз, когда мне встретился столь уверенный взгляд, я потерпел фиаско. Ничего не удалось сказать в свое оправдание сотруднику дорожного патруля, когда он так не вовремя спросил: «Почему вы не пропустили пешехода? Ваш мотороллер у меня на примете давно!»

Молниеносно и отчаянно я приблизился к ее коже. Всеми клетками тела я чувствовал остроту взгляда каждого из присутствующих в кафе.

Поцелуй в щеку, рожденный затаившимся внутри замершего сердца страхом и непоколебимой уверенностью, которую на время удалось перенять у Фрэнка. Затем плавным движением я провел пальцами по руке девушки сверху вниз, пока они, соскользнув по нежной коже, не легли в ее ладонь.

Вдруг невесть откуда появляется Ларсон и целует девушку во вторую щеку еще до того, как мои губы покинули ухоженную кожу. Фрэнк слегка прихватывает шею Незнакомки с явным намеком на победоносную грубость, наши взгляды встречаются в попытке выяснить, кто доминирует.

Бестактность – дань моде чувствовать второпях.

Мне стыдно за то, что вот такой бутербродный поцелуй случился в кафе. И трудно сейчас рассуждать, была ли благодарна нам девушка. Вернее, мне...

Мы сидели вчетвером за этим же столиком. Странно. До сегодняшнего дня не мог себе представить, что сестра, о которой часто рассказывал Фрэнк Ларсон, может выглядеть настолько безупречно.

Вы знаете типы людских темпераментов: флегматик, меланхолик, сангвиник и холерик. Так вот, во Фрэнке сошлись все четыре. Он порой непредсказуем, как хамелеон на фоне радуги.

Фрэнк Ларсон, я в очередной раз снимаю невидимую шляпу. И прощаю тебе эту неуместную грубость, которой ты, вероятно, хотел подчеркнуть, что эти внезапные порывы причудливой нежности с моей стороны непозволительны в первые минуты знакомства с девушкой.

Наконец Фрэнк представил меня родственнице. Его сестру звали Клэр. Она очень интеллигентна: любит выводить на разговор о книгах, которые ты не читал, чтобы поддеть и обозначить собственное превосходство. А когда она узнала, что я писатель, то вмиг вспомнила все произведения, которые, наверное, читала, будучи заточенной в монастыре «Графа Инков»,

находящемся на северо-южном побережье между западом и востоком на вершине какого-нибудь подножья.

Она жалила нас около тридцати минут фразами, которые, без сомнения, могли бы стать крылатыми, если бы уже не являлись таковыми. Отойдя после серии нокдаунов, я все-таки опомнился.

Клэр была с подругой, которая так незаметно растворилась, что я ничего не успел у нее спросить.

Сестра Фрэнка не захотела о ней говорить и лишь обронила фразу о проблемах подруги и не лучшем периоде в ее жизни, из-за которого девушке необходимо предоставить время для прогулки.

Что ж, пусть побережье достойно встретит гостя и подкинет нужные мысли, способные разогнать грусть о былом или тревоги о грядущем.

Послышалась мелодия: кто-то виртуозно касался бело-черных клавиш рояля, стоявшего в одном из углов «*DoubleforU*». Я привстал, приготовив взгляд благодарности для человека, начавшего играть вовремя: когда беседа пресытилась обсуждениями разных тем, понемногу уносящих в никуда хорошее настроение, еще недавно вместе с нами переступившее порог уютного местечка.

«Шеннон?» – произнес Фрэнк, глядя на друга, не пытающегося прятать улыбку... Мне все-таки удалось сохранить неплохое настроение благодаря случаю.

У рояля сидела девушка, и рыжий цвет ее волос, словно желтый сигнал светофора, велел приготовиться. Вскоре она прекратила игру. Я опередил всех и аплодировал стоя, будто ошалелый. Так громко, что мое желание сделаться нотным станом этой виртуозки, кажется, ни у кого не вызывало сомнения. Затем овации поддержали все присутствовавшие.

Настала очередь Фрэнка Ларсона снять шляпу и наполнить ее слезами, ведь только он знал тайную суть действий, желавших осуществиться в ближайшем будущем. Но даже Фрэнк терял веру, не надеясь дожидаться от меня какой бы то ни было импровизации.

Я подошел к роялю и поцеловал девушке руку в знак благодарности за подаренное настроение. Проклятье, она очень похожа на подругу Клэр! Это ее сестра?

Да, сегодня день встречи с сестрами. Они очень похожи друг на друга. Близнецы? Неожиданно до безумия. Или же безумно до неожиданности?

Какая высокая нота! Хотя это не нота, это – мажорный аккорд. Три нажатые клавиши, что от грубого прикосновения вышли из строя, словно активировали механизм взрывного устройства, ловко спрятанного внутри инструмента.

Девушка стояла, пребывая в недоумении. И в нем таилось нечто особенное и до боли знакомое. Все замерли в ожидании.

Три, два, один...

Рояль был готов разорваться на части, испуская приятную мелодию, которая после ее исполнения девушкой, продолжала проигрываться в моей голове.

Взрыв, который я представил, взгляд ее голубых глаз, что, подобно ударной волне, пригвоздил мои грязные желания к полу, – все эти специальные эффекты органично вошли в блокбастер под названием: «*знакомство*». Это был звездный час для воображения-режиссера и мыслей-актеров. «Оскар» для них может служить лишь то, о чем говорить вслух, на самом деле, не принято. Слово, которое подчиняется тем же порядкам, что и одно громкое имя из историй про Гарри Поттера.

Я говорю шепотом. Тихо. Очень тихо:

– Муза...

Однако я, нацеленный лишь на общение, не смог удовлетворить разыгравшиеся фантазии, и у некоторых присутствовавших то ли сдали нервы, то ли они действительно решили покинуть «*DoubleforU*». Но, так или иначе, парочку острых и липких фраз я отхватил:

«Разве это мужчина? Мужчина должен брать на месте!» – сказала, обернувшись, одна пожилая женщина, не дойдя до выхода всего пару шагов. Старая школа. А со старой школой я не мог спорить, потому что именно благодаря ней я все еще жив.

«Не парни, а какие-то подкаблучники да «подрояльники» кругом!» – бросил кто-то вежливое дополнение вдогонку предыдущей фразе.

Остальное я пропускал мимо ушей: смотрел на нее, не сводя взгляд. Мой стиль джентльмена был обречен на провал, но все эти недовольства неожиданно вознесли желания оппонентки необычайно высоко. Ведь она ответила: «Весьма странное и нелепое знакомство. Мы можем пообщаться некоторое время», – сказала она, взяв меня за руку. Затем добавила: «Я иду с вами, принимая правила игры в образы. Теперь ваш ход».

Слезы давным-давно переполнили шляпу Фрэнка и теперь капали ему на ботинки. Далее Ларсон искусно удалился вместе со своей сестрой, чтобы уступить нам столик.

Но девушка не изъявила желания остаться и попросила разделить с ней прогулку по набережную.

Нет, я вовсе не боялся, что кто-то будет сидеть на скамейке, как это люблю делать я, и бросать в спину остроу своей улыбки. Нет, я боялся, что кто-то пустит в спину одновременно две.

Девушка взяла меня под руку и, крепко сжимая ее подушечками пальцев, прошептала лишь одну фразу, но зато какую:

– *Завтра я уезжаю. И вскоре буду за тысячи километров от этого места. Поэтому давай просто помолчим, чтобы память об этой встрече стала настоящей интригой, способной сквозь всякое нежелание и расстояние доказать, что нам все-таки есть о чем поговорить.*

Знаете, а она прекрасный Ангел с белоснежными крыльями, где каждое перышко – это острая фраза или словечко, способное неустанно лететь навстречу нужным эмоциям, окрыляя вас.

Ее зовут Пенелопа. Она сказала, что знакома с Клэр и что та девушка, сидевшая с нами за одним столиком, – ее родная сестра по имени Миранда. Предположения оказались верны.

Практически до рассвета мы бесцельно бродили по пляжу. А до этого успели побывать на концерте электронной музыки. Кстати, этот концерт стал сродни феномену. Парни-организаторы любят шокировать. Поэтому не стоит удивляться, если, поселившись в отеле на берегу, в первую ночь вы вдруг услышите во втором часу приятную мелодию. Правда, из-за высокой громкости вряд ли она вам таковой покажется.

Но Пенелопе музыка понравилась. И хоть между нашими ладонями было молчание все это время, скрывать радость у нее не получалось.

Легкий теплый ветер обдувал и убаюкивал, когда мы сидели на скамейке и любовались видом на маяк.

– Знаешь, Шеннон, я в который раз смотрю на маяк. И он мне кажется каким-то важным символом. И вот сейчас я направляю взгляд с таким трепетом, подчеркивающим в то же время

мое отношение к этому милому вечеру, но вновь не могу понять, что же это за символ. В чем его тайна?

Она положила голову мне на плечо и замолчала. Странно, находясь в «*DoubleforU*», я не мог вообразить, что она не блефовала, что она говорит серьезно. Первое мнение обманчиво. И это радовало меня. Безумно. Пенелопа сдержала слово, другие не нуждались в произношении. Внутреннее состояние намекало, что не будет затем нуждаться в описании, – все будет понятно и без него.

Примерка образа в некоторой степени удалась – я почувствовал, ощутил. Нет, Пенелопа не подошла под описание, выбранное компьютерной программой, но зато своим присутствием она подтолкнула меня к нужным мыслям, и внезапно появился запас необходимого настроя. И его, казалось, я могу использовать, когда захочу, когда возникнет острая необходимость. Достаточно вспомнить детали этого вечера, ее уместное молчание и те неожиданные фразы, вкрадывающиеся в мои размышления с каждой минутой все прочнее и прочнее.

Я отвлекся на проходящих мимо людей. Благоприятная погода выманила сегодня многих на ночную прогулку.

Рядом с нашей скамейкой проехал велосипедист. Мой взгляд был отдан Пенелопе, поэтому боковым зрением удалось заметить лишь колеса популярного для здешних мест транспортного средства.

И этого было достаточно, чтобы узнать в велосипедисте ленивого развозчика прессы, днем оставившего своего двухколесного друга у входной двери дома, в котором я живу. Колеса велосипеда этого развозчика выкрашены в разные цвета. Переднее – в черный, а заднее – в белый, благодаря чему, вероятно, ему нелегко оставаться незамеченным.

Я водил пальцами рук по волосам Пенелопы, и, освобождаясь от них, нежно касался ладонью ее шеи.

Мужчины – очень странные. Мы склонны к доверию в самые первые секунды, минуты удачного знакомства с девушкой. И забываем о нем, строя подозрения и играя в дешевого сыщика, когда девушка готова оказать доверие нам.

«Если тебе кажется, что вы знакомы давно, то не верь этому опьяняющему чувству. Никогда. Это дурацкое дежавю изматает тебя и однажды сведет с ума», – произнес мой внутренний голос, приведя с собой сыщика раньше времени.

Улыбнувшись этому неудавшемуся разговору с собой, я вновь посмотрел на маяк. Музыка затихла, когда на дороге прямо перед скамейкой я заметил белоснежный конверт.

Вероятно, его обронил развозчик прессы, потому что, кроме него, мимо нас в непосредственной близости никто больше не проходил и не проезжал. Жаль, я уделил внимание лишь его транспорту и не успел рассмотреть лицо неуклюжего развозчика. Как выглядит человек, управляющий велосипедом? Кто он?

Я разбудил Пенелопу после того, как поднял конверт с дороги. Далее в полусонном состоянии мы побрели в мое жилище сквозь тусклый свет фонарных столбов. Руки ее были холодны. И всем телом я ощутил легкое отвлечение с быстро нарастающей тяжестью.

Ничто так не задевает, выбивая из колеи, как холодные руки, находящейся рядом, женщины, к которой питаешь интерес и симпатию.

«Почему я так мало о ней знаю?» – еще раз спросил я у себя, прекрасно понимая, что меня не интересуют вопросы о том, сколько ей лет, что она любит, прочие банальности... Меня интересовало нечто другое. То, что рисует таинственность милого любопытства, которую в тот момент я перенимал из каждого ее движения и мимолетной загадки глаз, встречавшихся с моими на доли секунды.

В этот момент я заметил на некоторых столбах цветные фотографии. Кому понадобилось клеить на столбы цветные фотографии, совершенно непохожие на какую-нибудь рекламу или афишу?

Мы не дошли самую малость, когда начался ливень.

Струи воды стекали по тротуарам в водосточные каналы. И на решетке, ведущей к ним, я заметил нечто белого цвета. К одному из бордюров прибилась бумажный кораблик. Капли воды стекали по нему, впитываясь в бумагу, словно секунды, уносящие ответ, на заданный мною вопрос, в никуда.

III

Пенелопа разбудила меня, так как, проснувшись, утром она не обнаружила на себе одежды. Парадоксально, но она сама сняла ее вчера перед сном и попросила у меня халат, дабы не щеголять по квартире в неглиже. Мы успели изрядно вымокнуть вчера по пути в мое скромное гнездо уюта и гостеприимства.

Девушка бросила в мой адрес несколько пустых претензий по поводу вчерашней прогулки, используя лишь несколько слов. На некоторое мгновение мне показалась, что ее подменили. Будто не с ней я вчера ходил, обескураженный неожиданной комбинацией чувств. Но, видно, новая знакомая вовремя вспомнила про обещание в виде того понравившегося мне предложения, которое я вынужден вновь вам продемонстрировать.

– Завтра я уезжаю. И вскоре буду за тысячи километров от этого места. Поэтому давай просто помолчим, чтобы память об этой встрече стала настоящей интригой, способной сквозь всякое нежелание и расстояние доказать, что нам все-таки есть о чем поговорить.

А ведь в нем она намекала на свое скорое отбытие. Предположения оказались верны. Она вспомнила, что скоро улетает самолет, на который она опаздывает. Пенелопа надела свою одежду, так и не успевшую окончательно высохнуть, а затем покинула мое жилище, оставив аромат духов. Их выветриванием я занялся в первую очередь. Потому что посторонние запахи, особенно те, что приносят ассоциации, связанные с девушками, призваны разрушать всякие попытки собраться с мыслями и настроиться на работу.

Я сидел и думал о том, что сделал не так... Откуда появилась у меня эта дурацкая привычка – примерять образ на Незнакомок, чтобы те взамен своим присутствием создавали мне хорошее настроение. Ну не мог я найти дальновидную девушку для постоянных, долгосрочных отношений, потому что это поставило бы крест на работе.

Хорошие знакомства часто губят привычки. А иногда это делает Фрэнк Ларсон.

Знакомства, знакомства, знакомства...

Вообще, если брать в целом, еще в юности я наблюдал следующее: зачастую сюда приезжают девушки-охотницы за ощущениями. Их можно заметить в один день в лавке Фрэнка с доской для серфинга. Через час – возле второй лавки с пьяными дайверами. А затем такая дама будет штурмовать с любимым молодым или старым человеком маяк погибших кораблей на лодке с двумя моторами, выглядящей издали взбесившимся поплавком. Да, лодка, которая, на самом деле, в связи с конструкторским исполнением должна приводиться в движение одним двигателем, а не двумя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.